

DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-4-897

EDN: EMRFHN

УДК 37.013.44

Научная статья | Общая педагогика, история педагогики и образования

О ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ В ИХ МЕТАФИЗИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

П.А. Гагаев

Аннотация

Обоснование. В статье рассматривается проблема детства и юности в их соотношении с метафизической природой человека. Отмечается, что в современной психолого-педагогической литературе указанные периоды жизни индивида понимаются лишь в аспекте социализации человека, что обедняет знание о последнем в его становлении и развитии.

Целью работы является описание метафизического контента в психике и поведении растущей духовности и формулирование стратегии педагогической поддержки его развертывания в детской психике.

Материалы и методы. Предмет осмысления в статье – исследования в области антропологии, гносеологии (как зарубежные, так и отечественные), возрастной психологии, психологии развития, педагогики детства и юности (позитивистской и идеалистической направленности).

Методология работы – субстратная рефлексия А.А. Гагаева, согласно которой в предмете исследования удерживается его едино-множественная основа и характерное для него стремление к персонификации. Методы в работе – феноменологический анализ, предполагающий удержание в абстракции зримых черт исследуемой реальности, и субстратный синтез (совмещение всех выявленных оснований объекта постижения на едино-множественной основе).

Результаты. Детство в работе трактуется как период открытия человеком в себе вселенского начала (понимание человека восходит к трудам Платона) – особых смыслосемантических образований и интенций, необусловленных внешним окружением и выводящих инди-

вида из его социального бытия (стремления удержать в себе все и вся, не быть обусловленным ничем, искание привнесения согласия во все и вся и др.). Детство понимается как период встречи человека с самим собою, познания себя самого как вселенской духовности, осознания общей блаженности и драматичности своего бытия.

Познание в детстве осуществляется на созерцательной (не деятельностной) основе. Созерцание трактуется как идеалистическо-интуитивистская форма постижения мира.

Детство в работе соотносится с педагогикой невмешательства – поддержанием органичного для юной духовности сосредоточения на себе самой и познания на этой основе своего вселенского. Важнейшей дидактической единицей в педагогике невмешательства избирается классический текст – философский, художественный, научный, другой.

Педагогика невмешательства востребует учителя-философа, способного на идеалистическо-интуитивистской основе взаимодействовать с учеником.

Ключевые слова: человек; рефлексия; метафизика; смыслосемантика; детство; юность; созерцание; педагогика; невмешательство

Для цитирования. Гагаев П. А. (2025). О детстве и юности в их метафизико-педагогическом измерении. *Russian Journal of Education and Psychology*, 16(4), 122–141. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-4-897>

Original article | General Pedagogy, History of Pedagogy and Education

ABOUT CHILDHOOD AND YOUTH IN THEIR METAPHYSICAL AND PEDAGOGICAL MEASUREMENT

P.A. Gagaev

Abstract

Background. The article deals with the problem of childhood and adolescence in their correlation with the metaphysical nature of man. It is noted that in modern psychological and pedagogical literature, these periods

of an individual's life are understood only in the aspect of human socialization, which impoverishes knowledge about the latter in its formation and development.

The **purpose** of the work is to describe the metaphysical content in the psyche and behavior of growing spirituality and formulate a strategy for pedagogical support of its deployment in the child's psyche.

Materials and methods. The subject of comprehension in the article is research in the field of anthropology, epistemology (both foreign and domestic), age psychology, developmental psychology, pedagogy of childhood and youth (positivist and idealistic orientation).

The methodology of the work is the substratum reflection of A.A. Gagaev, according to which the subject of research retains its single-multiple basis and its characteristic desire for personification. The methods used in the work are phenomenological analysis, which involves the retention of visible features of the reality under study in abstraction, and substrate synthesis (combining all the identified foundations of the object of comprehension on a single or multiple basis).

Results. Childhood in the work is interpreted as a period of man's discovery of the universal principle in himself (the understanding of man goes back to the works of Plato) - special semantic formations and intentions that are not conditioned by the external environment and lead the individual out of his social being (the desire to keep everything and everything in himself, not to be conditioned by anything, the search for bringing consent to everything and everything and Childhood is understood as a period of meeting a person with himself, knowing himself as universal spirituality, realizing the general bliss and drama of his being).

Cognition in childhood is carried out on a contemplative (non-activity) basis. Contemplation is interpreted as an idealistic-intuitionistic form of comprehension of the world.

Childhood in the work correlates with the pedagogy of non-interference - maintaining an organic focus on oneself for young spirituality and cognition of one's own universal on this basis. The most important didactic unit in the pedagogy of non-interference is the classical text - philosophical, artistic, scientific, and other.

Laissez-faire pedagogy requires a philosopher teacher who is able to interact with the student on an idealistic-intuitionistic basis.

Keywords: human being; reflection; metaphysics; semantics of meaning; childhood; youth; contemplation; pedagogy; non-interference

For citation. Gagaev P. A. (2025). About childhood and youth in their metaphysical and pedagogical measurement. *Russian Journal of Education and Psychology*, 16(4), 122–141. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-4-897>

Введение

В статье поразмышляем о детстве человека как периоде его жизни, наиболее выражающем его метафизическую природу и, соответственно, требующем к себе особого отношения со стороны институтов воспитания.

Работ по теме детства как периода жизни человека много. Уязвимость их, в нашем прочтении, заключается в опоре в понимании феномена детства (развития человека) на одну гносеологию – позитивистско-социологизаторскую. К работам указанной гносеологии относим как классические труды зарубежных психологов, так и отечественных. И Ж. Пиаже, и Дж. Брунер, и Л.С. Выготский, и А.Н. Леонтьев, и П.Я. Гальперин (и их последователи) – все, пусть и по-разному интерпретируя в развитии человека соотношение воздействия социума и степени формирования тех или иных когнитивных структур в поведении индивида, игнорируют общую метафизичность последнего, трактуя его как существо биосоциальное. Результатом обозначенного становится видение в детстве лишь того, что связывает его с будущей взросло-социальной жизнью (тип мышления, стратегия поведения и пр.).

Симптоматичной, с нашей точки зрения, является обеспокоенность ряда ученых общей прагматизацией детства в современном мире [17].

Метафизический аспект искомых возрастных периодов homo sapiens(a) очерчен в исследованиях идеалистически мыслящих ученых и философов, таких, как Платон, И. Кант, Н.И. Пирогов, св. Феофан Затворник, В.В. Зеньковский и др. (детство как открытие себя,

априорные формы мышления, детство как драма и др.). Надлежащего развития положения названных мыслителей о метафизической стороне детства человека в современной психологии и педагогике не получило (укажем как на характерные в связи с сформулированным работы А. Праута, Э. Джеймса, Д. Бюлера-Нидербергера и др. [15; 16].

Мысль позитивистская теснит реалии, не поддающиеся измерению и механистической передаче из одних рук в другие.

Материалы и методы

Предметом осмысления в статье стали исследования в области антропологии, гносеологии (как зарубежные, так и отечественные), возрастной психологии, психологии развития, педагогики детства и юности (позитивистской и идеалистической направленности).

Опираясь в размышлениях будем на субстратную рефлексию А.А. Гагаева [2], согласно которой в предмете исследования удерживается его едино-множественная основа и характерное для него стремление к персонификации.

Методами в работе избраны соотносимые с рефлексией субстратной феноменологический анализ, предполагающий удержание в абстракции зримых черт исследуемой реалии, и субстратный синтез (совмещение всех выявленных оснований объекта постижения на едино-множественной основе) [2].

Результаты

Человек

Человек – существо вселенское. В этом полнота и целостность его природы. Выведение человека из эволюционных процессов на планете (включая его социальное развитие) есть редукция его к бесконечно малому в сравнении с тем, что составляет его естество и возможности.

Человек в его способности к рефлексии – существо, выражающее собой стремление универсума к *персонализации* (стилистика и термины Тейяра де Шардена Пьера [12, с. 198]). В настоящее время нечто близкое приведенному утверждает Роберт Ланца [18].

Удержание себя как некого отдельного ото всего и в этом способного все и вся воспринять и мысленно (а затем и фактически) преобразовать – эта реалья и вводит человека в ряд вселенских, а не планетно-эволюционных образований. Естество человека – жить со всем и вся, стремиться вступать во все и вся, вносить во все и вся некое свое, отвечать за все и вся, бесконечно углублять свое видение как себя, так и окружающего и пр. Приведенные семантики и интенции суть онтология духовного мира человека, его *драма* и его *блаженство*.

Драма человека связана с тем, что не может он оставить большое(вселенское) в себе самом. Оно влечет его к себе, влечет и в самые спокойные дни его земного бытия. Оно лишает его покоя. Оно дарует ему участие в некоем большом и меняющем все и вся (вселенские катаклизмы). Оно – его бремя.

Блаженство человека как метафизического существа – в переживании своей причастности ко всему происходящему в мироздании. Переживание указанного полнит душу человеческую ощущением *вечности*, того, что так бежит бренности и юдоли смертного бытия.

Рефлексия определяет и все другие – важнейшие – черты духовности человека. Необусловленность внешним (искание свободы, иррациональная природа психики, несводимость ее ни к какой определенности), искание своего совершенствования, глубина переживаний происходящего в себе и окружающем, искание высокого, дерзание на все, стремление удержать в себе все и вся, ответственность за все, неудовлетворенность достигнутыми др.

Человек как метафизическое существо бежит целеполагания – прагматико-социального существования. Ему тесно в рамках возможностей духовного развития, предоставляемых социумом как эволюционной реальией. Внешнее (основа целеполагания) не определяющая черта человека. Человек в идеале *свободен (произволен)* от управления собою со стороны внешнего. В этом доминантная черта его как существа рефлексирующего.

История рода людей подтверждает очерченное. Миф, религиозные учения, философия, художественное творчество, наука, социальные устремления (в их идеале) – все утверждает обозначенное.

Человек бежал и бежит к *большому*, тому, чему *нет* предела, что *невозможно* определить и что составляет его *собственное* естество.

Фридрих Ницше неслучайно *философов, святых и художников* отнес к истинным людям. В них видел он срединное человека как существа разумного [9]. Все другие люди, по мнению мыслителя, еще не вполне люди.

Обретение дара рефлексии предрасполагает человека к *созерцательно-мыслительной* деятельности. Она составляет основу его бытия. Природа ее – другая, нежели деятельности мыслительно-практической.

Мыслительно-практическая деятельность есть сугубо эволюционная форма бытия человека. Ставя ту или иную цель (редуцируя бытие, сводя его к формам общего), человек выживает, конкурирует с другими видами на планете, преодолевает трудности своего эволюционного странствия.

Созерцание (именно так правильнее говорить об этой реалии; она – не деятельность) есть всматривание во все и вся без какого-либо корыстного желания. Созерцание есть принятие окружающего, видение в нем близкого себе, того, что и есть ты сам, сам как включенный в некое большое живое единство.

Созерцание есть открытие – мгновенное, иррационально осуществляемое – срединного во всем и вся и удержание его в себе как органичного для себя.

Созерцание есть отдохновение человека. В созерцании человек единится с собою как истинным. В созерцании им обретается нужное для него. В созерцании обретает он чаемую им полноту и целостность своего бытия.

Созерцание со стороны онтологии – реалья вселенская [3].

Философы, святые и поэты блаженствуют в своем созерцании мироздания и себя самих. У них есть все и у них ничего нельзя отнять, ибо они и есть сама вселенная, блаженно вззирающая на себя самое.

Игнорирование человеком срединного в себе (замыкание на малом – социальном, прагматическом и пр.; замыкание на мыслительно-практической деятельности) ведет его к психическому коллапсу – болезням,

потери смысла жизни, неоправданной агрессии и прочему (что так распространено в современном европейском сообществе).

Ища в человеке его срединного, следует подчеркнуть, что человек приходит в мир не *tabula rasa* (идея Джона Локка), а самим собою. Последнее восходит к трудам Платона. Платон категорично заявил о явлении души человеческой как метафизической реальности с рождения индивида [11].

Человек, по Платону (нами разделяется это суждение) не творит себя самого в своей жизни, а открывает бесконечные глубины изначально данной ему духовности [11].

Изначальность духовной определенности человека усугубляет драму человека. Человек вынужден принимать себя как некую данность, пусть и высокую, но и обусловленную самою собою. Изначальность усиливает и блаженство человека, если ему удастся (идея восходит к Махабхарате следовать себе самому – как высоко-высокому – в его вселенском странствии [8, с. 184].

Детство и юность

Детство и юность человека в их соотношении с очерченной метафизикой *homo sapiens(a)* – каковы они?

Традиционно детство в психологии и педагогике трактуется как период человеческого развития, когда маленький человек учится понимать окружающий мир, осваивает необходимые для жизни в социуме умения (формирует их под воздействием внешнего), вступает в пространство культуры своего общества. Юность понимается как предзрелость, как период осознания человеком самого себя, самоопределения духовного и социального.

Подчеркнем: детство и юность в современных исследованиях понимаются преимущественно в контексте позитивистско-социологизаторского подхода, в основании которого лежит положение о человеке как продукте эволюционных процессов на планете Земля. Реализация указанного подхода сосредоточивает внимание ученого на тех сторонах развития ребенка и юноши, каковые являют их как социальных существ, и только. Отчетливо обозначенное явлено

в трудах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина и других отечественных психологов, занимавшихся проблемами общего и когнитивного развития.

Социальное – в виде общественных идеалов, личностных притязаний, стратегий мышления и социального поведения и пр. – довлеет в понимании обсуждаемых периодов взросления человека. Оно (социальное) – основание понимания происходящего в психике и поведении ребенка и юноши.

Многое касательно детства и юности обозначенный подход позволяет высветить. И – что особенно важно в контексте настоящей работы – общую сензитивность указанного периода.

Детство и юность, как никакие периоды в жизни человека, восприимчивы к внешним для себя раздражителям. Детство и юность – время интенсивной обработки воспринимаемого человеческим организмом (в особенности психикой). Масштабы и глубины воспринимаемого в детстве и юности в сравнении с последующими периодами в жизни человека не сопоставимы (во всяком случае, это так в потенциальности). Детство, иными словами, характеризуется «преизбытком жизни» (воспользуемся выражением Ф.И. Тютчева).

Нами детство и юность трактуются в логике ранее очерченного понимания человека, понимания его как существа вселенского.

Детство и юность есть периоды *открытия* индивидом своего *метафизического* измерения (своей необусловленности социальным).

Детство и юность есть периоды *встречи* индивида с самим собою как вселенской духовностью (большое как изначальное в психике индивида).

Детство и юность есть периоды (*возможного*) овладения собою как вселенской духовностью (постижение своей внутренней собранности в удержании большого).

Детство и юность есть периоды открытия *драмы и блаженства* своей настоящей и будущей жизни.

Созерцание (а не мыслительно-практическая деятельность) – срединная форма взросления (развития) ребенка и юноши (созерцание как удержание всего и вся).

Детство и юность протекают *в благоприятных* для актуализации метафизического в человеке условиях – условиях *внецелепрагматического бытия*.

Среда в период детства и юности *катализирует*, а не формирует вселенское в человеке.

Развернем приведенные параметры искомой реалии.

Открытие

Важнейшее и самое сильное переживание детства – переживание своего Я, и Я как некоего трансцендентного.

Я как *отдельное* ото всего и как принадлежащее *мне, и только мне*. Я как *не обусловленное ничем*. Я как удерживающее в себе *все и вся*. Я как *равное* всему. Я как *держущее* на все. Я как то, без чего мир *не может существовать* в его полноте и целостности, красоте и притягательности... Я как *влекущее* к себе. Я как завораживающее. Я как нечто *фантастическое* и дарующее *блаженство*... Этими и близкими им переживаниями полнится и торжествует сознание растущего человека.

Вселенная (бездна) врывается в душу маленького человека и овладевает ею. Психика ребенка, подростка, тем более юноши однажды начинает жить неким большим (высоко-высоким), безграничным, дерзновенным, привносящим во все и вся то, без чего оно не может продолжать существовать. Мир (мироздание) для растущей духовности являет себя в *ее* восприятии его. Мир (мироздание) поверяется *ее* движениями, и в этом она (духовность) и становится мирозданием. Она, и только она, есть *средина бытия*.

Указанное переживание никогда не обретет большей силы (взрослая жизнь уведет человека от его истинного). Оно же навсегда останется в памяти и переживаниях индивида.

Останется как указание свыше (как некое необъяснимое), как то, что нельзя будет предать забвению, как то, что непременно однажды вновь вернется к человеку и будет провожать его в последний путь.

Встреча с собою

В детстве и ранней юности человек встречается с собою. С собою как некоей изначально заданной духовной *определенностью*. Идея об определенности души (души как *формы*) человеческой восходит к трудам Аристотеля [1, с. 372]. Идея о заданности нашей души, заданности как вселенской реальности восходит к воззрениям Платона [11, с. 244].

Встреча с собою происходит в результате *сосредоточения* растущей духовности на себе самой. Сократ был прав, полагая указанную реальию матерью познания себя самого.

Всматриваясь в себя, человек натывается на присутствующие в его душе (психике) смысло-семантические образования, каковые внутренне *собраны*, характеризуются *иерархичностью* и – что особенно важно – обладают статусом *самодельствующих* конструктов [4]. Человек, многократно погружаясь в миры своей психики, *видит* эти образования, принимает их как данность (ее нельзя игнорировать) и понимает, что это и есть он сам, это и есть его (чуждое) Я.

Человек встречается со своим Я, каковое дано ему по рождению, каковое делает его равной всему и вся субъектностью, с каковым будет он шествовать по жизни, открывая его бесконечность и могущество. Человек встречается со своим Я, каковое станет бременем его жизни (уже при первой встрече с собой смыслом и семантикой, актуализирующиеся в психике индивида, обязывают его к некоему высокому и трудному и одновременно накладывают ограничения на его интенции и поступки).

Человек приходит к себе и начинает открывать себя самого как вселенскую духовность.

Познание себя (овладение собою)

Встреча с собою подвигает индивида (в юности) постичь себя и с собою как постигнутым шествовать по жизни.

Постичь себя в контексте настоящей работы означает удержать в рефлексии набор *вселенских семантик и интенций*, каковые составляют сердцевину собственного Я.

Термин и понятие «вселенские семантики и интенции» введен в научную литературу нами [4, с. 43-50]. Под таковыми понимаем обретаемые индивидом по его рождении смысло-семантические константы образа мира, каковой станет основанием его восприятия, понимания и оценки происходящего в его душе и вовне. К ним относим искание удержать в себе все и вся, дерзание собою поверить все и вся, переживание ответственности за все и вся, стремление привнести согласие во все и вся и некоторые другие.

У каждого из людей (существ, наделенных способностью к рефлексии) – свой набор семантик и интенций, своя степень явления той или иной семантики и интенции. Вселенная почему-то именно так определила бытие разумных существ на планете. Индивидуальностью указанного набора и рождается блаженство и драма конкретного человека.

Постичь себя как метафизическую духовность (постичь свои вселенские интенции и семантики) означает встать *вровень* с присутствующим в своей психике – вселенскими интенциями и семантиками и начать поверять свое бытие (именно бытие, а не социальное существование) своим вселенско-индивидуальным видением мира и себя самого.

Постичь себя самого как вселенскую духовность означает открыть в своем бытии феномен *созерцания* бытия. Речь идет о том, что человек в детстве и юности должен пережить опыт видения себя и мира глазами *поэта, философа* и в чем-то *святого*. В этом только случае *подлинное* его станет его повседневным.

Созерцание

Детство не столько нечто осуществляет (ставит и достигает цели), сколько *созерцает*. *Впечатление и мгновенное постижение истины* (укажем на суждения по обсуждаемой проблеме св. Феофана Затворника и В.В. Зеньковского [13; 5]), а не целеполагательное действие – срединная черта поведения подростка и юноши.

Детство для человека есть всматривание в окружающее, всматривание в то, что породило тебя, породило как свое чадо, породило и

приняло в свое бытие как собрата. Именно так на мир смотрят философ, поэт и святой (см. работы по интуитивному познанию [6]). Таков взгляд на окружающее и маленького человека, если взрослые не вводят его в целепрагматическое бытие.

Впечатления детства, а точнее образы детства суть выражения вселенского в человеке. Ребенок, а затем подросток, юноша, всматриваясь в окружающее, *в себе* открывают вышеназванные интенции, семантики переживания – чувство единства со всем и вся, стремление вступить во все и вся и пр.

Гносеология созерцания – прерывание бытия (феномен рефлексии – запечатление всего и вся собою как отдельным от всего), смиренное всматривание в происходящее в собственной духовности, поддержание актуализирующихся в своей психике переживаний и интенций, связующих со всем и вся и дарующих этим блаженство и бремя, мгновенное схватывание (*открытие*) сути происходящего в себе самом и окружающем [3].

Неосознанно, но неизменно детство и юность следуют очерченному. Река жизни несет юную духовность по своим водам, и она (юная духовность) зачарованно взирает на открывающееся ей вокруг и в ней самой, взирает и постигает все и вся в их срединном.

Юная духовность созерцает себя и окружающее и полнится большими смыслами и интенциями.

Драма и блаженство

Детство – время обретения блаженства бытия во вселенной. *Я есть. Я есть как сопоставимое со вселенной. Все во мне. Я волен в своих мыслях. Они дерзновенны. Они добры. Без них пим не полон. Я блаженствую в своих переживаниях и мыслях...* Этим полнится душа маленького человека. Этим полнится душа юноши.

Детство созерцает и принимает блаженство своего бытия.

Детство есть и период осознания человеком драматичности своего бытия.

Я принадлежу себе, но и я есть некая определенность, из которой мне не выйти.

Мое Я велико и вдохновенно. Ему нет пределов, но оно же есть мой предел. В нем, и только в нем, я могу искать своего блаженства и им, моим Я, будет определяться моя драма – мои обретения и мои утраты.

Детство и юность – время борьбы, время драмы. Борьбы внутренней, борьбы человека с самим собою. Детство – время утверждения человека в своем высоко-высоком. В этом правы были Н.И. Пиров, св. Феофан Затворник и В.В. Зеньковский [10; 13; 5].

Инвариант

Всякий из маленьких людей в отношении явления в нем вселенского начала индивидуален. Вместе с тем в себе он несет черты общего для всех. В неявном виде об этом мы писали. Выскажемся отчетливо.

Познавшая себя в детстве и юности духовность ведет себя как необусловленная ничем, как несводимая ни к какой определенности, как непредсказуемая в своих срединных интенциях и действиях, как никогда не удовлетворяющаяся осуществлением своих интенций и, наконец, как ищущая в высоко-высоком своего предназначения. Таковое апофатическое (в целом) прочтение психики и поведения юной духовности видится нам корректным в связи с пониманием природы детства.

Психология детства и юности тогда только сможет некое естественное поддержать в поведении маленького человека, если приведенное будет учитывать.

Благоприятные условия

Детство в искомом для работы аспекте благодатно и тем, что оно *щадится* взрослыми людьми (в возможной мере). Щадится в вопросе привлечения детей к целепрагматической деятельности. Маленький человек в идеале оставлен социумом. Оставлен быть наедине с самим собою и в этом со своей вселенской природою.

Ребенок, подросток, юноша сами ищут применения своих сил и желаний. Ищут и обретают в открытии высоко-высокого в себе са-

мих, в ощущении величия природы (мироздания), связи своей мысли со всем и вся и прочим, что так явственно является взору поэта, философа и святого.

Даже если социум и стремится ограничить поведение маленького человека, удастся ему не все. *Преизбыток жизни* берет свое: в своих мечтах, интенциях, в своих дерзновенных поступках юная духовность вступает в пространства своего видения мира и себя самой (бежит взрослых, не поддается манипулированию, творит свой малый мир и пр.).

Себе самому верен человек именно в период детства и ранней юности, и никогда более (исключения составляют лишь философы, святые и поэты).

Среда

Среда, конечно же, незаменимый фактор явления вселенского в человеке. Человеческий социум исторически не мог не формироваться как то, что несет в себе вселенское начало разумной жизни. Мифологическое сознание, религиозные верования, поэзия, философия, живопись, научные дерзания, социальные идеи и практики – все это выражение присутствия в эволюционно-социальном шествии человека вселенского начала. Рефлексия исторически выводила человека из его социально-прагматического бытия.

Социальное в идеальных своих проявлениях (ранее мы их называли) *катализирует* (именно катализирует, а не формирует) открытие вселенских интенций и семантик человека.

Воспринимая некое (образ, дерзкую мысль, картину и пр.) как странно и светло близкое себе, индивид и становится *философом, поэтом и святым*.

Школа

И вот школа (институт воспитания). Как ей действовать в отношении детства? В решении вопроса нами избирается стратегия *педагогика невмешательства*.

Педагогика невмешательства (термин восходит к трудам Л.Н. Толстого) зиждется на положении о признании изначальности и все-

ленскости духовности человека, общей невмешательской стратегии поддержания открытия индивидом самого себя как вселенской духовности.

Развитие свое педагогика невмешательства находит в актуализации в педагогическом процессе реалии сосредоточения индивида на самом себе и познания им на этой основе самого себя как вселенской духовности.

Ведущей дидактической единицей в рамках педагогики невмешательства выступает классический текст – мифологический, философский, художественный, научный, другой. Классический текст как реалия, вобравшая в себя бытие в полноте и целостности [7], на невмешательской основе своими смыслами и интенциями «тревожит» духовность воспитанника, побуждает ее всмотреться в самое себя, разобраться в себе, определиться со своими приоритетами и пр.

Взаимодействие педагога и ученика в рамках педагогики невмешательства осуществляется на идеалистическо-интуитивистской основе [14].

Педагогика невмешательства возможна при наличии педагога-философа, человека грандиозной личности и знаний [4].

Педагогика невмешательства общим своим воздействием на маленького человека поддерживает созерцательное бытие последнего в значении, ранее приведенном в работе.

Заключение

Человек – существо вселенско-биосоциальное (онтологически связанное со всем и вся и обусловленное в определенном отношении социальным).

Детство - период открытия человеком себя самого как вселенской духовности. Развитие человека в детстве движется в направлении развертывания в нем вселенских семантик и интенций и овладения им собою как вселенски-определенно шествующим по жизни.

Психо-гносеология детского бытия – созерцание (интуитивно-недеятельное всматривание в себя самого и окружающее, принятие на этой основе своей драматико-вселенской определенности).

Среда бытия детской духовности должна быть направлена на поддержание в ней ее вселенских семантик и интенций.

Школа обязана поддерживать развертывание вселенского начала в психике маленького человека. Стратегия поддержания - педагогика невмешательства с ее вниманием к реалии сосредоточения человека на себе самом, обращением к классическому тексту, идеалистическо-интуитивистским взаимодействием учителя и ученика и поддержкой созерцательного бытия последнего.

Список литературы

1. Аристотель. (1976). *Сочинения в четырёх томах* (Т. 1). Москва: Мысль, 550 с.
2. Гагаев, А. А. (1994). *Теория и методология субстратного подхода в научном познании*. Саранск: МГУ, 47 с. EDN: <https://elibrary.ru/ZJYUFL>
3. Гагаев, А. А., & Гагаев, П. А. (2022). О созерцательной основе бытия человека. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*, 11(6–1), 29–36. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.96.77.022>. EDN: <https://elibrary.ru/LBMIRZ>
4. Гагаев, А. А., & Гагаев, П. А. (2014). *Педагогика невмешательства*. Санкт-Петербург: Алетейя, 284 с.
5. Зеньковский, В. В. (2002). Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. В *Педагогические сочинения* (сс. 206–339). Саранск: Красный Октябрь.
6. Лосский, Н. О. (1991). Интуитивисты. В *История русской философии* (сс. 320–380). Москва: Высшая школа.
7. Лыгина, М. А., Гаврилова, М. А., & Гагаев, П. А. (2022). Классический текст на занятиях по педагогике в вузе. *Педагогическое образование*, 3(2), 54–60. EDN: <https://elibrary.ru/KEJBKG>
8. *Махабхарата*. Рамаяна. (1974). Москва: Художественная литература, 606 с.
9. Ницше, Ф. (2012). *Несвоевременные размышления* (Т. 8). Москва, 319 с.
10. Пирогов, Н. И. (1985). *Избранные сочинения*. Москва: Педагогика, 496 с.

11. Платон. (2011). *Диалоги*. Москва: Астрель, 349 с.
12. Тейяр де Шарден, П. (2001). *Феномен человека*. Москва: Устойчивый мир, 232 с.
13. Феофан Затворник. (1994). *Начертание христианского нравоучения* (Т. 1). Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательство Паломник, 330 с.
14. Франк, С. Л. (1990). *Непостижимое (Онтологическое введение в философию религии)*. Москва: Правда, 608 с.
15. Buler-Niederberger, D. (2010). Introduction: Childhood sociology – defining the state of art and ensuring reflection. *Current Sociology*, 58(2), 155–164. <https://doi.org/10.1177/0011392109354239>
16. James, A., & Prout, A. (Eds.). (1997). *Constructing and Reconstructing Childhood*. New York: Psychology Press, 269 p.
17. Elkind, D. (1995). School and Family in the Postmodern World. *The Phi Delta Kappa International*, 77(1), 8–14. Retrieved from <http://www.jstor.org/stable/20405475> (accessed: 06.06.2016). EDN: <https://elibrary.ru/CBDKUD>
18. Lanca, R., & Berman, B. (2009). *Biocentrism. How Life and Consciousness are the Keys to Understanding the True Nature of the Universe*. Bendella BOKS, LNC. Dallas, TX, 215 p.

References

1. Aristotle. (1976). *Works in four volumes* (Vol. 1). Moscow: Mysl. 550 p.
2. Gagaev, A. A. (1994). *Theory and methodology of the substrate approach in scientific cognition*. Saransk: Mordovia State University. 47 p. EDN: <https://elibrary.ru/ZJYUFL>
3. Gagaev, A. A., & Gagaev, P. A. (2022). On the contemplative basis of human existence. *Context and Reflection: Philosophy on the World and Human*, 11(6–1), 29–36. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.96.77.022>. EDN: <https://elibrary.ru/LBMIRZ>
4. Gagaev, A. A., & Gagaev, P. A. (2014). *Pedagogy of non-interference*. Saint Petersburg: Aleteya. 284 p.
5. Zenkovsky, V. V. (2002). Problems of education in the light of Christian anthropology. In: *Pedagogical works* (pp. 206–339). Saransk: Krasny Oktyabr.

6. Lossky, N. O. (1991). Intuitionists. In: *History of Russian philosophy* (pp. 320–380). Moscow: Vysshaya Shkola.
7. Lygina, M. A., Gavrilova, M. A., & Gagaev, P. A. (2022). Classical text in pedagogy classes at university. *Pedagogical Education*, 3(2), 54–60. EDN: <https://elibrary.ru/KEJBKG>
8. *Mahabharata. Ramayana*. (1974). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. 606 p.
9. Nietzsche, F. (2012). *Untimely reflections* (Vol. 8). Moscow. 319 p.
10. Pirogov, N. I. (1985). *Selected works*. Moscow: Pedagogika. 496 p.
11. Plato. (2011). *Dialogues*. Moscow: Astrel. 349 p.
12. Teilhard de Chardin, P. (2001). *The phenomenon of man*. Moscow: Us-toyshivyy Mir. 232 p.
13. Theophan the Recluse. (1994). *Outline of Christian morality* (Vol. 1). Published by the Holy Dormition Pskovo-Pechersky Monastery and Palomnik Publishing House. 330 p.
14. Frank, S. L. (1990). *The Unknowable (Ontological introduction to the philosophy of religion)*. Moscow: Pravda. 608 p.
15. Buler-Niederberger, D. (2010). Introduction: Childhood sociology – defining the state of art and ensuring reflection. *Current Sociology*, 58(2), 155–164. <https://doi.org/10.1177/0011392109354239>
16. James, A., & Prout, A. (Eds.). (1997). *Constructing and Reconstructing Childhood*. New York: Psychology Press, 269 p.
17. Elkind, D. (1995). School and Family in the Postmodern World. *The Phi Delta Kappa International*, 77(1), 8–14. Retrieved from <http://www.jstor.org/stable/20405475> (accessed: 06.06.2016). EDN: <https://elibrary.ru/CBDKUD>
18. Lanca, R., & Berman, B. (2009). *Biocentrism. How Life and Consciousness are the Keys to Understanding the True Nature of the Universe*. Bendella BOKS, LNC. Dallas, TX, 215 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Гагаев Павел Александрович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии
Пензенский государственный университет

*ул. Красная, 40, г. Пенза, 440026, Российская Федерация
gagaevp@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pavel A. Gagaev, D.Ed., Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology

Penza State University

40, Krasnaya Str., Penza, 440026, Russian Federation

gagaevp@mail.ru

SPIN-code: 2976-7610

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8904-420X>

Поступила 30.05.2025

После рецензирования 10.06.2025

Принята 13.06.2025

Received 30.05.2025

Revised 10.06.2025

Accepted 13.06.2025